

К вопросу понимания ментальной репрезентации

Е.А. Лукьянченко

В статье рассматриваются исторически сложившиеся подходы к познавательной деятельности человека в свете ключевых философско-культурных и лингвокультурологических идей, а также современные представления о природе ментальной репрезентации.

Репрезентация – широкое философское понятие, наиболее общее определение которого философские словари дают как «представление одного в другом и посредством другого»¹. Понятие «репрезентация» используется во многих науках, включая психологию, социологию и лингвистику. Согласно Стэнфордской лингвистической энциклопедии, «базовое понятие о ментальной репрезентации связано с компьютерной теорией сознания, предполагающей, что природа когнитивных процессов в получении, хранении и переработке информационных структур того или иного типа. Тем не менее в широком смысле ментальная репрезентация может пониматься как ментальный объект с семантическими свойствами»².

Для лингвистики характерно представление о репрезентации как о «конститутивной функции знака, которая задает знак и сама предстает как знаковый феномен»³. Существует понятие о вторичности репрезентации относительно присутствия, так как репрезентация – это нечто подобное замещению сущности, наше представление о ней. Ментальная репрезентация, согласно Е.С. Кубряковой, – «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления ... мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах»⁴.

То есть можно сказать, что человеческий мозг использует для концептуализации мира прием,

похожий на моделирование, то есть создает упрощенную «копию» окружающего мира, чтобы обеспечить себе возможность его изучения.

Ранее господствовало мнение, что основой познавательных процессов человека является отражение. До сих пор существовало представление, основанное на учении о познании Дж. Локка (XVII в.). То же положение долгое время являлось фундаментальным положением отечественной гносеологии. Оно гласит: «познание есть отражение» и понимается главным образом с позиций материалистического сенсуализма. Ныне такая постановка проблемы сознания считается неточной, так как то, что мы воспринимаем, являлось по этой логике эквивалентом, копией действительности. Таким образом, делался вывод о том, что картина мира в нашем сознании полностью идентична самому окружающему нас миру.

Здесь возникает несколько противоречий:

– во-первых, встает вопрос о принципиальной познаваемости мира. Может ли человек, обладая теми чувствами, которыми он наделен от Бога (или от природы), и никакими более, воспринимать действительность такой, какая она есть на самом деле. Это очевидно из простого примера: человек, родившийся с дальтонизмом, не может различать некоторые цвета в пределах известного нам спектра, а человек, лишенный возможности слуха, никогда не узнает, как звучит музыка в нашем понимании этого слова. Некоторым людям не хватает определенных органов чувств или рецепторов, наличие которых в корне изменило бы их представление о мире;

■ Культурология

– во-вторых, если взять языковую картину мира, то, как принято считать в культурологии и лингводидактике, она культурно обусловлена, то есть различна в деталях в разных культурах. Более того, существует такое понятие, как «индивидуальная картина мира»⁵.

Из этого следует, что «зеркальная метафора» в применении к репрезентации неточна, так как нельзя отрицать в том числе и «творчески-созидательные, гипотетически-проблемные подходы, основанные на продуктивном воображении, социокультурных предпосылках, индивидуальном и коллективном опыте»⁶, модифицирующие познавательные процессы человеческого мозга.

Более того, если следовать философии восприятия Вартофского, «человеческое восприятие, имея универсальные предпосылки – биологически эволюционировавшую сенсорную систему, – вместе с тем является исторически обусловленным процессом»⁷. Д.З. Мусин в статье «Роль репрезентации в процессе восприятия в концепции М. Вартофского» пишет: «Вартофский полагает, что реальность существует независимо от восприятия, в то же время она воспринимается нами посредством ... репрезентации. Репрезентации выступают в роли опосредующих «реалий», перцептивных артефактов, которые мы не воспринимаем, но посредством которых мы воспринимаем реальные объекты и процессы»⁸.

Согласно Е.М. Поздняковой, при изучении лингвокультурных феноменов «в настоящее время в рамках когнитивного подхода репрезентации – это не только отношение "реальный мир–язык", но и отношение "реальный мир–сознание"⁹. Таким образом, современная лингвистика также считает очень важным решение проблемы ментальной репрезентации.

Современное представление о познавательных процессах у ученых разных стран несколько различно. «Отечественная версия когнитивизма (когнитивно-дискурсивная парадигма, впитавшая в себя все наиболее существенные достижения гуманитарных наук второй половины XX в. в нашей стране, а также прогрессивные идеи западных когнитологов первого и второго поколения, идеи функциональной лингвистики, текстового и дискурсивного анализа) имеет достаточно позиций по ряду вопросов методологического характера, отличающихся от установок когнитивного подхода за рубежом. Западным когнитивистам свойственно преувеличение субъективизма ментальных репрезентаций (в том смысле, что отражение в голове человека индивидуально), а также придание языку роли носителя индивидуальных значений и смыслов ведет к принципиальной оторванности человеческой когниции от реального мира, вследствие чего получается, что в результате "конструирования мира" язык – это зеркало субъективных когнитивных процессов человека, а реальный мир существует как бы сам по себе»¹⁰, – утверждает Е.М. Позднякова.

Все сказанное выше не означает, что современное понимание репрезентации лишает познава-

тельный процесс его универсальности: он по-прежнему дает нам возможность знакомства с миром на определенном уровне понимания, доступном человеку. Новый взгляд на определение репрезентации показывает, что в мышлении человека существуют сложные, еще не до конца изученные механизмы, позволяющие ему адаптировать информацию, получаемую им об окружающем мире, к своему сознанию, систематизировать и использовать эту информацию для жизни. Когнитивная наука, изучая этот феномен, работает в тесной вязи с нейрофизиологией, медициной и математикой и таким образом делает еще один шаг в будущее, когда будут изучены механизмы человеческого сознания и появятся предпосылки для создания нового типа искусственного интеллекта, наиболее приближенного к человеческому.

Стоит подчеркнуть, что вопросы когнитивной лингвистики, столь подробно рассмотренные выше на специфическом словарном и учебном материале, отнюдь не являются спонтанным проявлением «смены парадигм». Еще в начале XX в. острые дискуссии развернулись как раз по проблемам соотношения «воспринимаемого» и «воспринятого». Крайность, предложенная эмпириокритицизмом, – считать, что мир – это лишь «данность», «опыт», и больше ничего, – встретила сопротивление сразу с двух сторон:

– во-первых, это работы психологов, показавших в работе психики наличие устойчивых механизмов, наподобие автоматов, воспроизводящих определенные схемы «восприятий» (и тем самым выходящие за пределы восприятия как такового);

– во-вторых, значительный прорыв представляли собой труды логиков, стремившихся показать зависимость познания (прежде всего познания, в строгом смысле слова, науки) от логических схем, инкорпорированных в психику и организующих с неумолимой последовательностью ее материал.

Интересно, что и тема «философии языка», – допустим, в трудах раннего М. Хайдеггера¹¹, – представлена как критика психологизма и вместе с тем крайнего логицизма. Язык, согласно этой точке зрения, открывает человеку и через человека «другой мир», не сводимый ни к «холодному царству разума», ни к «автоматике» психических реакций¹². Современная лингвокультурология продолжает эту линию интерпретации языковой действительности. Опираясь на критику наивного натурализма, она не склонна полностью отождествлять язык ни с логическими, ни даже с логико-грамматическими формами. При этом, разумеется, именно через языковые средства, то есть прежде всего средства лексические и логико-грамматические, язык раскрывает свое богатое содержание. Оно несводимо, очевидно, и к семиотическим конвенциям.

Вопрос о том, что же стоит за языковым выражением, современная теория познания предлагает решать, отталкиваясь от гипотезы языковой относительности Сепира – Уорфа. Полностью принять такую «соблазнительную» для профессионального преподавателя иностранного языка версию, однако, не представляется

возможным: если язык репрезентирует только картину мира, то он представляет сам себя. Сознание человека настойчиво сообщает, что «за» познанием, репрезентацией, языковыми выражениями «стоит» нечто, не сводимое к сознанию человека (и даже народа как носителя – или создателя? – данной лингвокультуры)¹³. Ментальная репрезентация, таким образом, по-прежнему остается одной из самых интересных тем для философии культуры. Ее раскрытие на материале сравнительной лингвокультурологии

способствует лучшему пониманию границ и перспектив современного «знания о знании» как «знания о человеке».

Lukjanchenko E.A. Towards an understanding of mental representation.

Summary: *The article deals with traditional ways of understanding human cognitive processes in terms of key ideas of philosophical, cultural, and linguistic sciences, as well as modern ideas concerning the nature of mental representation.*

Ключевые слова

Межкультурная коммуникация, философия культуры, лингвокультурология, ментальная репрезентация, картина мира.

Keywords

Intercultural communication, philosophy of culture, cultural linguistics, mental representation, view of the world.

Примечания

1. Репрезентация. Философский словарь онлайн, открытый доступ: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/430/РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ.
2. Mental Representation, Stanford Encyclopedia of Philosophy, открытый доступ: <http://plato.stanford.edu/entries/mental-representation/>.
3. Репрезентация. Философский словарь онлайн, открытый доступ: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/430/РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ.
4. Ментальная репрезентация. Краткий словарь когнитивных терминов, Кубрякова Е.С. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 536 с.
6. Микешина Л.А. Философия науки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. С. 88.
7. Там же. С. 92.
8. Мусин Д.З. Роль репрезентации в процессе восприятия в концепции М. Вартофского. Вестник ОГУ. №11 (105)/ ноябрь 2009. С. 124-132.
9. Позднякова Е.М. К вопросу о методологии репрезентационализма // Вопросы когнитивной лингвистики №4. 2007. С. 67–70.
10. Там же.
11. См.: Биbihин В.В. Ранний Хайдеггер. Материалы к семинару. М.: Институт философии. Теологии и истории св. Фомы, 2009. С.35–113.
12. Там же. С.69.
13. Силантьева М.В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур: лингвокультурологический анализ // Коммуникативистика. №2 (3). 2013. С. 4-8.